

Володихин Дмитрий Михайлович*, доктор исторических наук, профессор исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова.

Конфликт российских полководцев в 1500 г.: князь Д. В. Щеня против боярина Ю. З. Кошкина. У истоков формирования военно-политической элиты России

На рубеже XV–XVI столетий Россия вела масштабную войну с Великим княжеством Литовским за территории "Литовской Руси" — совокупности древнерусских городов, областей и княжеств, ранее присоединённых западным соседом к своей государственной территории, но сохранивших исконные язык, культуру и конфессиональную принадлежность, что создавало почву для их последующего перехода под власть московских государей.

Московско-литовская война закончилась в 1494 г., продемонстрировав решительную перемену геополитического вектора. До третьей четверти XV в. Великое княжество Литовское (далее — ВКЛ) постепенно расширялось на восток, однако в последней четверти столетия могущество московского государя Ивана III Великого, стремительно объединявшего страну, значительно выросло, и с этих пор начался "откат" московско-литовской границы на запад. По мирным соглашениям 1494 г. Россия получила из состава "Литовской Руси" Вязьму и целый ряд иных городов. Однако решительная схватка была впереди.

Новый вал масштабных боевых действий пришёлся на начало 1500-х гг. ВКЛ потерпело целый ряд поражений. На 1500 г. выпало такое их количество, что имеет смысл говорить о военно-политической катастрофе ВКЛ.

Наиболее значительным успехом русских полевых войск стал разгром гетмана князя К. Острожского в сражении на реке Ведроше 14 июля 1500 г. Впоследствии, на протяжении полутора десятилетий, противник не мог нанести России удар столь же значительной силы. Фактически, именно в этот период решался вопрос о конфигурации государственных границ России на Западе. Наступление на литовском направлении являлось на тот момент для Москвы приоритетной задачей. Важность его

* volodih@yandex.ru

была самоочевидна как для великого князя Ивана III, так и для рождающейся российской военно-политической элиты.

Взгляд из XXI столетия даёт понимание: в тот момент вооружённое противоборство на литовско-русском рубеже чрезвычайно многое решало в судьбах всей Восточной Европы.

Тем не менее, в среде полковых воевод незадолго до битвы на Ведроше возник тяжёлый конфликт, потребовавший прямого вмешательства Ивана III. И конфликт этот показателен в отношении магистральных процессов, связанных с формированием военно-политической элиты Российского государства.

Предыстория этой ссоры такова: в первой половине 1500 г., среди прочих военных мероприятий России по размаху выделялись два похода. Первый из них был направлен на Дорогобуж, находившийся тогда на землях ВКЛ. Полевое соединение, отправленное Иваном III, состояло из пяти полков: Большого, Передового, Правой руки,левой руки и Сторожевого. Большой полк возглавлял боярин Юрий Захарьич, принадлежавший роду Кошкиных, которые служили московским государям как минимум с середины XIV в., т. е. на протяжении нескольких поколений. Военачальник, командовавший Большим полком, по обычаю того времени считался также старшим воеводой во всём соединении, прочие должны были ему подчиняться. В круг полководцев, которые оказались подчинены Ю. З. Кошкину, вошли представители княжеских родов Стригиных-Оболенских, Турениных-Оболенских и Хованских, а также выходцы из родов нетитулованной знати: Вельяминовы, Житовы¹. Весной 1500 г. Дорогобуж был взят².

Любопытно, что родной брат Ю. З. Кошкина, Яков Захарьич одновременно с ним развил успешные боевые действия на другом участке русско-литовского фронта, взяв в мае 1500 г. Брянск, а августе — Путивль³.

Падение Дорогобужа спровоцировало контрнаступление литовских войск. Как свидетельствует летопись, Иван III направил на подмогу войскам Ю. З. Кошкина "тверскую силу"; по сообщению воинских "разрядов"⁴, новое русское наступление было направлено к Ростиславлю и Ельне (также владения ВКЛ в тот период), "ходили" с московскими полками князь Даниил Васильевич Щеня (Гедиминович)⁵, а с ним отряды полузависимых удельных князей Семёна Ивановича Стародубского и Василия Ивановича Шемячича. "По чести", т. е. формально в соответствии с более высоким общественным статусом удельных князей первыми в воинском разряде были поставлены они, а князь Д. В. Щеня — последним. Однако именно

¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 60.

² Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. VIII. СПб., 1859. С. 250.

³ Там же.

⁴ "Разряд" или "разрядная запись" — список должностных лиц, предназначенных для исполнения разового поручения: строительства крепости, присутствия на придворной церемонии, празднике, приеме послов; воинский разряд — реестр воевод и, время от времени, нижестоящих командиров, отправляемых для несения службы в полевом соединении, в составе гарнизона города или крепости.

⁵ Потомок литовского князя Гедимины, оказавшийся на московской службе. Государи московские чрезвычайно высоко ценили Гедиминовичей, перешедших на сторону Москвы.

он фактически являлся главным военачальником в этом полевом соединении, так как он представлял персону Ивана III, именно он вёл в бой воинские силы Москвы⁶.

Перед столкновением с силами гетмана Острожского русские полки из состава двух полевых соединений слились в одно, и произошло "перераспределение" воевод по "разрядным" спискам, присланным из Москвы. Для полного понимания того, что произошло дальше, имеет смысл воспроизвести здесь названные разрядные списки полностью:

"А государевы и великого князя воеводы были по полком по росписи:

В Большом полку служивые князи — князь Семён Иванович Стародубской... да князь Василей Иванович Шемячич, да великого князя воеводы князь Данило Васильевич Щеня.

В Передовом полку князь Михайло Федорович Телятевской да князь Пётр Васильевич Оболенской-Нагой, да князь Володимер Борисович Туренин.

В Правой руке князь Осиф Андреевич Дорогобужской да князь Фёдор Васильевич Телепень-Оболенской, да князь Пётр Иванович Стригин-Оболенской, да с татарами князь Иван Михайлович Воротынской.

Влевой руке князь Володимер Андреевич Микулинской да Дмитрией Иванович Киндырев да Пётр Иванович Житов.

В Сторожевом полку боярин Юрьи (Юрий. — *Прим. авт.*) Захарьич да Иван Васильевич Щедра (Шадра) Вельяминов⁷.

Ю. З. Кошкин, увидевший, что после взятия Стародуба его оттеснили от командования и поставили возглавлять слабейший или, во всяком случае, один из слабейших полков, возмутился. В Москву полетела грамота, отражающая величайшую досаду полководца. А из столицы пришёл весьма строгий ответ:

"Писал к великому князю боярин Юрьи Захарьич, что он не хочет быть в Сторожевом полку (или, иначе, „что ему в Сторожевом полку быти немочно“): „То де мне стеречь князя Данилова полку Щенятева“. И князь великий приказал Юрью...: „Горазда ль так чинить, говоришь, что не хочешь быть в Сторожевом полку? И тебе стеречь не князь Данила, стеречь тебе меня да моё дело, а каковы воеводы в Большом полку, таковы воеводы чинят и в Сторожевом полку, ино не сором тебе быть в Сторожевом полку“⁸.

На поле битвы 14 июля Ю. З. Кошкин так и пришёл в чине первого воеводы Сторожевого полка, повинувшись приказу великого князя московского Ивана III.

Коллизия с отказом боевого воеводы принять пост не слишком почётный, по его мнению, и, к тому же, отбирающий у него сколько-нибудь значительное влияние на командование соединением в целом, вряд ли связана с простым чувством обиды, разочарования.

Как полководцы, боярин Ю. З. Кошкин и князь Д. В. Щеня далеко не равны по заслугам перед престолом, даже не сравнимы. Так, Юрий Захарьич известен в качестве военачальника со времён похода на Казань

⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 60–61; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 250.

⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 61.

⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 30; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 61.

6993 (1485/1486) г., где он был вторым воеводой при князе В. И. Оболенском; до того вельможа фигурирует в источниках лишь как сын боярский, сопровождавший великого князя в походе к Новгороду 1479–1480 гг., да как волостель на Двине⁹. В августе 1499 г. его, в чине воеводы полка Правой руки, вновь послали под Казань — защищать тамошнего подручника Москвы хана Абдул-Латифа от "шибанских царевичей"¹⁰. Первым и единственным назначением Юрия Захарьича на пост первого воеводы Большого полка в самостоятельном полевом соединении (иначе говоря, на должность "командарма") относится к 1500 г., т. е. к эпизоду с завоеванием Дорогобужа. Служилая биографии князя Д. В. Щени более насыщенная — её уже изучили В. В. Каргалов и Н. С. Борисов¹¹. Вкратце, Даниил Васильевич ко времени военной кампании 1500 г. уже занял место одного из лучших, наиболее прославленных и, в то же время, самых высокопоставленных полководцев Ивана III; именно он взял в 1489 г. Вятку (Хлынов) и отобрал у литовцев Вязьму (зима 1492/1493 гг.)¹², а также возглавлял русские войска в целом ряде иных походов. Для всего воеводского корпуса России было ясно: Щеня стоит и по заслугам, и по тактическому опыту выше Юрия Захарьича. Сходство у них в одном: оба — брачные свойственники рода московских государей.

Во время первой московско-литовской войны в 7001 (1493/1494) г. состоялся поход московских полков во главе с сыном Ивана III Василием к Твери (где Василий Иванович получил княжение), во время которого Юрия Захарьича поставили иерархически ниже князя Д. В. Щени (вторым воеводой, в то время как Щеня числится первым воеводой), однако недовольства в тот раз Юрий Захарьич не выказал¹³. А во время русско-шведской кампании 1495–1496 гг. воеводское старшинство князя Д. В. Щени без споров дважды принимал старший брат Юрия Захарьича, Яков¹⁴.

И вдруг — столь явное, столь необычное для московского военного быта проявление коренного несогласия со старшинством вышестоящего военачальника!

Коллизия 1500 г. имеет социальную подоплёку, притом весьма серьёзную, и подоплёка эта уже дискутировалась в трудах целого ряда историков.

⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 19, 20; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 26; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 184.

¹⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 28; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 56. В разрядных книгах обнаруживается свидетельство, согласно которому в том же году Юрий Захарьич в том же чине отправился к Выборгу, против шведов. Но это явный анахронизм: поход к Выборгу относится к 1495 г.; скорее всего, Юрия Захарьича перепутали с его братом Яковом, который действительно участвовал в Выборгском походе 1495 г. См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 24.

¹¹ См.: *Каргалов В.В.* Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 195–222; *Борисов Н.С.* Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993. Глава "Государевы большие воеводы". С. 132–150.

¹² См.: *Каргалов В.В.* Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 195–196; *Темушев В.Н.* Первая Московско-литовская пограничная война 1486–1494. М., 2016. Изд. 2-е, перераб. С. 74–75.

¹³ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 23; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 36.

¹⁴ Там же. С. 38, 42, 49.

Некоторые специалисты видели в яростном выступлении Юрия Захарьича исток местнической системы, которая утвердилась в вооружённых силах России в XVI столетии и фактически подчинила себе кадровый подбор на уровне воевод¹⁵. Что, в сущности, представляет собой местническая система? С одной стороны, принцип занятия высоких постов в зависимости не от служебных заслуг, а от знатности (где знатность мыслится соединением древнего родословья с суммой назначений предков на ключевые должности в рамках службы у московских государей). С другой стороны, местничество — система гарантий. Всякий знатный род, заняв когда-то высокое положение при дворе государя московского, послужив ему на войне или в мирном управлении, мог рассчитывать на столь же высокие назначения в будущем. Такова глубинная сущность местничества: 70–100 родов, добившиеся высокого положения в конце XV — первой половине XVI в., закрепляли за собой этот статус на много поколений вперед. Время шло, а им по-прежнему давали солидные посты, их жаловали землями, они находились, как тогда говорили, "у государя в приближении". Принадлежность к такому роду, т. е. "высокая кровь", обеспечивала превосходные стартовые позиции. Молодой человек, придя на службу, знал: если он не окажется совершенным глупцом или трусом, если он не заработает монаршую опалу "изменными делами", то войдёт, как и его предки, в "обойму" великих людей государства. Пробриться в число таких семейств, иначе говоря, в состав "служилой аристократии", уже при Василии III (1505–1533) стало очень сложным делом. Более того, сама "обойма" знати оказалась чётко расписанной по "слоям". На что мог претендовать, допустим, выходец из князей Мстиславских, было закрыто для представителя боярского рода Бутурлиных, пусть "честного" и влиятельного. А на ступеньку, занятую Бутурлиными, не смели претендовать Годуновы, Пушкины или же князя Вяземские, находившиеся в шаге от "вылета" из "обоймы". Зато на тех же Пушкиных, Годуновых и Вяземских с завистью смотрела многотысячная масса неродовитого московского и провинциального дворянства, для коего дороги в этот слой просто не существовало. И передвинуться с уровня на уровень внутри аристократического круга было очень трудно. "Прорваться" мог человек, оказавший престолу заслуги исключительной ценности. Например, вождь земского ополчения князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Разбивка "по слоям" с течением времени перешла в гораздо более сложную схему "иерархии мест". Каждый аристократ твёрдо знал, на какие именно блага он может рассчитывать. А поскольку их количество было всегда ограничено, то приходилось внимательно следить за тем, кто имеет право занимать равное с тобой место, кто может претендовать на большее, а кому предназначены места пониже рангом. В обиход вошли выражение: такой-то боярин такого-то князя "больше двумя местами" или "многими местами" и, стало быть, "ставиться с ним — не сродно". За своё положение в "иерархии мест" сражались отчаянно и непримиримо. Местническая "находка", т. е. победа в тяжбе с другим аристократом, считалась успехом, равным обретению высокого чина. Что же касается местнической "потерки", т. е. проигрыша дела, то её воспринимали крайне болезненно.

¹⁵ Н.С. Борисов чётко высказался на сей счёт: "Этот конфликт — первый в московской истории местнический спор". См.: *Борисов Н.С. Иван III. М., 2000. С. 487.*

У русского аристократа выработалась манера моментально реагировать на любое действие, задевающее его родовую честь. Ведь если один представитель семейства хотя бы в малом поступался ею, то "потерьку" ощущала вся фамилия на несколько поколений вперёд. И какой-нибудь юный отпрыск рода ругал бы на чём свет стоит давно умершего родича, поскольку его простодушие в вопросах чести привело к унижению потомка, закрыло ему дорогу к высоким чинам¹⁶. Так вот, если рассматривать столкновение Юрия Захарьича с князем Щеней через призму местнических канонов, то досаду боярина следует объяснять тем, что его род поставлен слишком низко, ниже рода Щени. Соответственно, боярин не признаёт правоты государя, наносящего урон родовой чести, но государь всё равно сообщает ему: пост придётся занять, ибо я считаю это уместным, а урона твоей чести не нанесено. С точки зрения обычаев и порядков второй половины XVI столетия, конечно, виден проигрыш местнического столкновения. Но в конце XV столетия названной системы ещё не существует.

Другие историки отрицали подобный подход. Так, великий знаток местничества А. И. Маркевич писал: "Мы полагаем, что Юрий Захарьич не местничался с князем Д. Щеней, а не хотел лишь быть в Сторожевом полку, полагая, что эта служба для него низка. Отказ этот, собственно говоря, не имеет даже местнического характера". Не увидел в столкновении Ю. З. Кошкина с князем Д. В. Щеней местнического спора и А. А. Зимин¹⁷.

Действительно: во-первых, от того времени не дошло ни единого свидетельства о "местнических тяжбах", столь обычных для более позднего периода¹⁸; во-вторых, странно то, что семью годами ранее в аналогичной ситуации Ю. З. Кошкин промолчал; в-третьих, о совершенно ином характере конфликта говорит разъяснение, которое отправил в войска сам великий князь. Иван III, то ли желая смягчить суровый приказ, отданный им Ю. З. Кошкину, то ли отыскивая прецеденты, которые обосновали бы его действия, велел напомнить боярину о примере, который, с точки зрения государя, отлично подходил к ситуации. Относительно недавно "...были на Костроме воеводы по полкам: в Большом полку — князь Олександр Фёдорович Ростовской; в Передовом полку — князь Иван Васильевич Стригин Оболенской; в Сторожевом полку — Фёдор Давыдович"¹⁹.

¹⁶ См.: Володихин Д.М. Местничество как благо и зло // Родина. 2013. № 5. С. 79–81.

¹⁷ См.: Маркевич А.И. История местничества в Московском государстве в XV–XVII веках. Одесса, 1888. С. 246; Зимин А.А. Источники по истории местничества XV — первой пол. XVI в. // Археографический ежегодник за 1968. М., 1970. С. 110; Он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 298–299.

¹⁸ Древнейшее местническое дело опубликовал Ю.М. Эскин: Эскин Ю.М. Литва и Русь в 1534–1536 гг. Новые документы // Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова. Сер. 8. История. 1999. № 4. С. 73–75. Оно относится к 1534 г. Что же касается более раннего периода, то можно проследить, как формировалась система местнического старшинства еще в XV столетии, но не получается назвать за тот век строго определённо хотя бы одну из местнических тяжб, хотя бы по косвенным свидетельствам источников. Они начинаются в правление Василия III. Тот же Ю.М. Эскин, на протяжении многих лет исследовавший местничество, считает, что о функционировании этого института "можно говорить только с XVI в.". См.: Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 30.

¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 62.

Этот Фёдор Давыдович, названный в послании Ивана III, — не кто иной, как боярин Ф. Д. Давыдов-Хромой, один из крупнейших государственных деятелей эпохи Ивана III, видный полководец, знатнейший аристократ из рода Акинфа Великого (уходящего корнями в XIII в.). Боярский чин он получил раньше Юрия Захарьича, притом минуя чин окольного²⁰. По понятиям того времени, положение Фёдора Давыдовича при дворе сопоставимо со статусом самого Юрия Захарьича, если не выше. Иными словами, если уж сам Фёдор Давыдович Хромой, человек великого рода и высокого положения, не протестовал против назначения его воеводой в Сторожевой полк, то и Юрию Захарьичу не на что обижаться.

Но такая аргументация очень далека от обычного хода местнического дела. Случись местническая тяжба, и обе стороны стали бы приводить собственные службы и службы своих родственников (как живых, так и уже почивших), отыскивая, кто из них стоял выше, сопоставляя служебный статус прямо и косвенно — порой, через очень дальнюю родню. Подобного рода "дел" известно огромное количество, они однотипны²¹. В данном случае всё выглядит иначе: Иван III напоминает Юрию Захарьичу, что другой знатный человек из его социального слоя (нетитулованная знать, древние московские боярские роды) согласился возглавить слабый Сторожевой полк, притом в ситуации, когда во главе полевого соединения стоял не сам государь, не член его семьи, а всего лишь один из служилых князей. Значит, речь идёт не о личном и не о родовом ущербе, который был ему нанесён, как считает Ю. З. Кошкин, а об ущербе иного рода: унижении общественной группы, представителем которой он являлся.

Для кого-то из исследователей инцидент выглядел как вспышка личного раздражения и, отчасти, своего рода интриганство со стороны удачливого полководца, сразу после большой победы задвинутого на второй план. "Неожиданно взбунтовался Юрий Захарьевич. Он был назначен воеводой в Сторожевой полк, тогда как Даниил Щеня — в Большой. Боярин усмотрел в этом унижение своей родовой чести и послал жалобу самому Ивану III. Великий князь, вероятно, не без умысла составил обидный для Юрия Захарьевича расклад воевод по полкам: во все времена тираны любили стравливать своих военачальников и тем самым укреплять собственную власть"²². При таком подходе столкновение Юрия Захарьича и князя Щени получает смысл личной неприязни, личной обиды, не более того. Но ситуация далеко не столь проста. Она представляет собой видимую часть айсберга, за которой укрыта грозная опасность.

²⁰ См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 72–73.

²¹ Запись в разрядной книге о событиях 1500 г. не имеет ничего общего ни с их формуляром, ни с формулировками местнических тяжб в более поздних записях разрядных книг.

²² *Борисов Н.С.* Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993. С. 140–141. Позднее Н.С. Борисов уточнит свою позицию. По его словам, "...несомненно, Кошкин держал в уме и то, что за год до начала литовской войны... клан Патрикеевых, представителем которого являлся и Даниил Щеня, попал в немилость к государю... Вероятно, именно падение могущественных Патрикеевых и побудило Кошкина схватиться с Даниилом Щеней... В споре с Даниилом Щеней Юрий Захарьич проиграл. Иван III хорошо разбирался в людях и знал каждому истинную цену...". См.: *Борисов Н.С.* Иван III. М., 2000. С. 487. Кроме того, как уже говорилось выше, Н.С. Борисов назовёт конфликт Юрия Захарьича и князя Щени "местническим спором".

Боярские роды Москвы, столетиями верно служившие государям московским, имевшие значительный вес при дворе, в то же время, не могли похвастаться хотя бы каплей княжеской крови в жилах.

При Иване III, в начальный период строительства Московского государства, социальное положение названных родов ещё не претерпело сколько-нибудь значительных изменений. Выходцы из боярских семейств всё ещё занимали высокие посты в московской администрации, пребывали на наместничестве в иных городах России, а также на воеводстве в крепостях и действующих на фронте полевых соединениях. Однако изменения в политическом устройстве державы необходимо вели к метаморфозам в социальном статусе московского боярства. Оно должно было потесниться на высших этажах управления страной, и оно, в конечном счёте, потеснилось.

Этот процесс развивался медленно, на протяжении нескольких поколений. Однако его корни уходят в эпоху Ивана III, точнее говоря, в последнюю треть XV столетия.

Ещё в середине XV в. Московского государства не было. Вместо него на необозримых пространствах раскинулось несколько независимых держав: великое княжество Московское, великое княжество Тверское, великое княжество Литовское с широкой полосой "Литовской Руси", княжество Рязанское, княжество Ярославское, полуавтономный Ростов со своим княжеским домом, Псковская вечевая республика, "Господин Великий Новгород" и несколько менее значительных государств. Они воевали друг с другом, имели собственные законы, управлялись собственными государями или выборными аристократическими администрациями, чеканили собственную монету, наконец.

Прошло несколько десятилетий.

К 1500 г. многих из этих государств уже не существовало: Москва безраздельно подчинила себе всех, помимо Рязани и Пскова, отвоевала себе у Литвы значительную часть её владений. На месте политического крошева, великой пестроты появилась Россия — единая централизованная монархия.

Некоторые княжеские династии не могли примириться с властью Москвы. Их представителям оставалось либо погибнуть, либо, оставив свои земли, эмигрировать. Но подавляющее большинство княжеских и боярских родов предпочло перейти на московскую службу. Более того, многие великие роды, сочтя службу на московского государя делом почётным и доходным, желая его защиты и покровительства, добровольно переходили под руку Москвы. Так в Москве появились целые фамилии Ярославских, Суздальских (Шуйских), Ростовских, Воротыньских и других пришлых князей — как Рюриковичей, так и Гедиминовичей. Помимо титулованной знати к новой русской столице стекалась и нетитулованная боярство, прежде всего тверское...

Получив в свои руки столь значительный кадровый ресурс, великий князь московский Иван III должен был решить целый ряд проблем, связанных со встраиванием пришлой знати в уже существующую старую военно-политическую элиту Москвы, состоявшую, большей частью, из представителей Московского княжеского дома Рюриковичей-Калитичей,

а также древних боярских родов. Прежде всего, удовлетворяя амбициозные запросы княжеской аристократии, Иван III а затем и его сын Василий III должны были отдать часть ключевых постов и часть военных, судебных, административных компетенций титулованной знати. Следовательно, нетитулованную знать (боярские рода Москвы) ожидало прощение с той частью управленческого "пирога", которая отныне отнималась у них и переходила к новым "пользователям".

И, действительно, специалисты отмечают: при Василии III происходит постепенная "аристократизация" Боярской думы (точнее, туда входит всё больше князей, и постепенно число их превышает число выходцев из нетитулованных родов): "Нетитулованная часть боярства в Думе стала уменьшаться... Княжата Северо-Восточной Руси потеснили старомосковских бояр. Но ещё при его отце, в 1490-х годах, чин боярина и место в Боярской думе стали занимать в большинстве своём именно княжата: уже в 1498 г. из 12 держателей боярского чина только три (!), а именно Яков и Юрий Захарьичи, а также А. Ф. Челяднин, представляли старинные боярские семейства Москвы, прочие же являлись выходцами из различных княжеских домов"²³.

Схожие процессы начались и в вооружённых силах.

О масштабе их судить трудно, поскольку полноценную картину происходящего в вооружённых силах Московского государства даёт лишь один источник — разрядные записи, а они сохранились со всей подробностью и регулярностью только с последней четверти XV столетия, не ранее. По более раннему периоду исследователь находит лишь хаос разрозненных кратких записей, ещё не получивших строгого формуляра, а также редкие летописные известия. Порой по источникам второй–третьей четверти XV столетия невозможно сколько-нибудь основательно судить о масштабах того или иного воинского предприятия, о количестве полков в полевом соединении, отправленном для решения боевой задачи, и даже о том, произошло ли вообще разделение на полки. Однако обилие военно-административных поручений, которые великий князь московской Василий II, а затем его сын Иван III возлагали на выходцев из древних родов нетитулованной московской знати, позволяет высказать приблизительную оценку: примерно 30–40 % крупных воинских операций совершается тогда под командованием представителей этой части служилой аристократии. Ситуация коренным образом изменяется примерно с середины 1480-х гг.: с этого момента на протяжении полутора десятилетий

²³ *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 171, 286–289; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. Ещё В.О. Ключевский писал, что московское боярство оказалось в первой половине XVI в. стеснено "...и в думе, и в высшей военно-походной администрации... как там первый думный чин, так и здесь места первых полковых воевод принадлежат преимущественно знатному князю...". См.: *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1994. С. 253. Н.П. Павлов-Сильванский выразил сходную идею, но начало развития указанной тенденции он отнёс к более раннему времени. По его мнению, во второй половине XV — первой половине XVI в. "...некоторые владетельные князья, приехавшие в Москву из Литвы или с великокняжеских удельных столов, образовали высший разряд московской знати, оттеснив на второй план большую часть старых боярских родов". См.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. СПб., 1909. 2-е изд. С. 45.

московскими полевыми командованиями командует почти исключительно "князьё"; лишь в виде исключения старшим воеводой иногда назначается Яков Захарьич Кошкин, старший брат Юрия Захарьича²⁴.

Думается, с середины 1480-х и до второй половины 1490-х гг. социальный слой старинного московского боярства, традиционных привилегированных "слуг государевых", должен был почувствовать серьёзное кадровое ущемление как в Боярской думе, так и в войсках. Притом ущемление это не являлось случайным или временным, оно успело превратиться в целенаправленную политику.

Первая половина 1500 г. как будто обозначила поворот в противоположную сторону. Незадолго до того подверглась опале крупная придворная "партия" Гедиминовичей — княжат Патрикеевых с роднёй, брачными свойственниками и союзниками. А в первые месяцы боевой кампании 1500 г. на места "командармов" в войсках, направленных "на Литву" были поставлены Я. З. Кошкин (традиционно), Ю. З. Кошкин и новгородский наместник А. Ф. Челяднин (старший государев воевода в Большой рати, где "по чести" формально первенствуют удельные князья Волоцкие Фёдор и Иван Борисовичи)²⁵. Фактически именно они приняли на себя роль ведущих полководцев новой большой московско-литовской войны на начальном её этапе. Именно они добились впечатляющих успехов (прежде всего, те же Кошкины).

С большой долей вероятности можно предположить, что этот административный поворот 1500 г. вселил в представителей древних родов нетитулованной московской знати неоправданную надежду на возврат прежнего её положения, на усиление сферы её влияния в вопросах рекрутирования управленческих кадров. И последовавшее вскоре назначение Я. З. Кошкина на должность, которая предполагала, что он будет

²⁴ Возможно, роспуск целого ряда "дворов" московского боярства накануне последней московско-тверской войны, опала на бояр В.Б. и И.Б. Тучко-Морозовых (в то же самое время) и "оттаскивание" представителей этого слоя от руководства вооружёнными силами взаимосвязаны. См.: Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 162; *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 358. Видимо, происходило своего рода "усмирение" московского боярства, привыкшего к ведущей роли в делах государственного правления и, в какой-то степени, на nive воинского командования.

²⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 29–30; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 57–58. Любопытно, что тогда же, т. е. в той же первой половине 1500 г., некто "луцкий (т. е., видимо, великолукский. — *Д.В.*) наместник" Губка (Тучко?) Янов возглавил ещё одно небольшое полевое соединение. Его обыкновенно ассоциируют с князем Василием Ивановичем Ростовским по прозвищу Губка, но одновременно с Яновыми — князьями в Московском государстве — обосновались служилыцы Яновы из удельных бояр не княжеского происхождения. См.: *Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 58; *Лихачёв Н.П.* О Происхождении Яновых // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. С. 150–154; *Бегунов Ю.К.* Следы "Слова о погибели Русских земель" в Степенной книге // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. М.—Л., 1958. Т. XV. С. 122–123, сноска 23; *Сергеев А.В.* Сведения о князьях Ростовских за вторую треть XVI — начало XVII в. в письменных и эпиграфических памятниках Троице-Сергиева монастыря // Преподобный Сергий, "родом ростовец...": материалы конференции / Сост. А.Г. Мельник, С.В. Сазонов. Ростов, 2014. С. 161–165; *Городилин С.В.* К вопросу о родовых владениях ростовских князей после прекращения существования Ростовского княжества // История и культура Ростовской земли. 2012. Ростов, 2013. С. 59–60. Не исключено, что в данном случае имеется в виду некий Тучко Янов из древнего боярского рода, никоим образом не князь, тем более, что титул при его именовании не назван.

"сторожить" армию Д. Н. Щени во главе слабейшего из полков, очевидно, привела к жестокому разочарованию. А за ним последовала раздражённая реакция боярина. Однако это разочарование носило, скорее всего, характер обиды социальной (а не личной и не родовой), обиды, проартикулированной одним крупным военным деятелем за весь слой старомосковского боярства. Как Я. З. Кошкин, так и прочие представители названного слоя получили от великого князя ясный сигнал: никакого возврата к прежнему порядку вещей не произойдёт.

Стеснения, которым подверглось старинное боярство Москвы, стали чем-то наподобие "родовой травмы", полученной российской военно-политической элитой у истоков её формирования. Превращение относительно небольшого Московского княжества в громадную Россию сделало такого рода шаги центральной власти неизбежными, хотя и болезненными для самой надёжной части знатных служилыхцев Москвы. Задача консолидации российской элиты, соединения целого ряда групп в управленческий монолит, не могла быть решена иначе, как только путём целенаправленного ослабления позиций собственно-московских боярских семейств.

Социальный конфликт, ярко отразившийся в диалоге Ю. З. Кошкина с Иваном III, впоследствии получил развитие: московское боярство продолжало отступать, но его чрезмерное ослабление лишало стабильности тот социальный инструмент центральной власти, каким являлась аристократическая элита России. А это, в свою очередь привело к тому, что опричный "исторический эксперимент" развёл по разные стороны "баррикады" старомосковское боярство, составившее на первом этапе опричнины её важнейший кадровый ресурс, и высокородное "княжьё", явившееся в целом ряде случаев жертвой опричнины.

В этом состоит "урок", который можно извлечь из событий, происходивших пять столетий назад. Впоследствии России неоднократно пришлось проходить через процесс переформатирования и ре-консолидации военно-политической элиты, получавшей разнородные источники кадровой подпитки. Всякий раз, как и тогда, при Иване III, создателе России, происходил передел компетенций, и всякий раз недостаток компенсационных механизмов в отношении ущемлённых слоёв элиты впоследствии приводил к жестоким кризисам. Очевидно, продумывание подобных компенсационных схем представляет собой политическую задачу, столетиями не теряющую актуальности.

Ключевые слова: *Россия — московско-литовские войны — аристократия — военно-политическая элита — родовая честь — местничество.*

Keywords: *Russia — Muscovite-Lithuanian wars — aristocracy — military-political elite — generic honor — order of precedence.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.
2. *Бегунов Ю.К.* Следы "Слова о погибели Руския земли" в Степенной книге // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. М.–Л., 1958. Т. XV.

3. *Борисов Н.С.* Иван III М., 2000.
4. *Борисов Н.С.* Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993.
5. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
6. *Володихин Д.М.* Местничество как благо и зло // Родина. 2013. № 5.
7. *Городилин С.В.* К вопросу о родовых владениях ростовских князей после прекращения существования Ростовского княжества // История и культура Ростовской земли. 2012. Ростов, 2013.
8. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910.
9. *Зимин А.А.* Источники по истории местничества XV – первой пол. XVI в. // Археографический ежегодник за 1968. М., 1970.
10. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1982.
11. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
12. *Каргалов В.В.* Полководцы X–XVI вв. М., 1989.
13. *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1994.
14. *Лихачёв Н.П.* О Происхождении Яновых // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1.
15. *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII веках. Одесса, 1888.
16. *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. 2-е изд. СПб., 1909.
17. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. VIII. СПб., 1859.
18. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
19. Разрядная книга 1475–1605 гг. Том 1. Часть 1. М., 1977.
20. *Сергеев А.В.* Сведения о князьях Ростовских за вторую треть XVI – начало XVII в. в письменных и эпиграфических памятниках Троице-Сергиева монастыря // Преподобный Сергий, "родом ростовец...": материалы конференции / Сост. А.Г. Мельник, С.В. Сазонов. Ростов, 2014.
21. *Темушев В.Н.* Первая Московско-литовская пограничная война 1486–1494. Изд. 2-е, перераб. М., 2016.
22. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891.
23. *Эскин Ю.М.* Литва и Русь в 1534–1536 гг. Новые документы // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. Сер. 8. История. 1999. № 4.
24. *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.